

Современная
зарубежная философия

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ
РОБЕРТА БРЭНДОМА

И.Д. ДЖОХАДЗЕ

В последние годы все больше профессиональных философов в США, не довольствуясь тем, чем всегда занимались философы-аналитики – решением частных концептуальных проблем, разбором гипотез и аргументов, – предпринимают попытки создания масштабных философских систем. Есть основания утверждать, что аналитическая философия вступила в новый – «систематический», по выражению В. Васильева¹ – период своего развития. К числу авторов, работающих в жанре такого «системосозидания», принадлежит известный американский философ, представитель питтсбургской школы неогегельянства Роберт Брэндом.

Главная книга Брэндома «Прояснение» («Making It Explicit», 1994) – одно из самых обсуждаемых и критикуемых в США и Европе философских произведений последних десятилетий. Идеи, в ней представленные, легли в основу развернутой Брэндомом в 2000-е гг. концепции «нормативного прагматизма» – довольно амбициозного проекта, сравнимого по масштабу с дескриптивной метафизикой П. Стросона, теорией сознания Д. Деннета или биологическим натурализмом Дж. Сёрла. По мнению Брэндома, американская философия XXI в. движется в направлении, заданном У. Куайном и Р. Рорти – к «прагматизации» логико-лингвистического анализа, к новому эпистемологически продуктивному синтезу аналитической методологии и прагматизма. Впрочем, имя Ричарда Рорти, радикального критика метафизики и систематической философии, упоминается в книге Брэндома всего один раз – в посвящении².

Свой нормативно-прагматистский подход к решению фундаментальных философских проблем (в том числе краеугольной, как он полагает, проблемы соотношения практического и теоретического, прагматики и семантики, «знания как» и «знания что») Брэндом противопоставляет картезианскому *репрезентационизму* – «зрительской» теории знания, согласно которой целью человеческого мышления и научного поиска является «репрезентация» (отражение) реальности. «Для Декарта разумность, – говорит американский философ, – сводится к наличности представлений – состояний сознания, сущность которых в репрезентации чего-либо. Эта наличность мыслится как свойство определенного рода, которым отмечены данные со-

стояния. В противовес модели Декарта — дескриптивной концепции интенциональности — Кант выдвинул свою нормативную, или *прескриптивную*, модель объяснения. Здесь во главу угла ставится не наличие или отсутствие некоторого *свойства* (property), но *правильность* или *оправданность* (propriety)... подлежащего концептуальной артикуляции действия (акта)³. Такая методологическая установка, поясняет Брэндом, предполагает «рассмотрение теоретического и практического сознания (consciousness), когнитивной и конативной активности, в специфически нормативных терминах»⁴. Человеческий разум, по Канту, не «открывает» законы природы, а «производит» их, *вкладывает* в природу; реальность несет на себе отпечаток нашей разумности, проективности. Позитивистская догма утверждает, что исследование начинается с наблюдений, из которых затем *выводятся* научные истины и теории. Прагматическая стратегия Канта опровергает эту старую догму и дает лучшее, более адекватное и надежное (в сравнении с репрезентационизмом Декарта или британских эмпириков) представление о познании-как-рациональной-деятельности. В действительности, говорит Брэндом, *что* человек видит и постигает (содержание его представлений) зависит от того, *как* он смотрит на мир (нормативной практики, модуса operandi). За каждым «знанием что» стоит определенное «знание как»⁵. Аналитическая традиция начинает с семантики (теории значения), с вычленения базовых семантических элементов и анализа их отношений, *употребление* же языковых выражений отходит на второй план. Лингвистический прагматизм движется в противоположном направлении: от употребления — к значению выражений, от прояснения «*как*» — к пониманию «*что*». С этой версией прагматизма Брэндом связывает будущее англоязычной (пост)аналитической философии⁶.

Исследование языка (анализ значения через употребление), согласно рекомендациям Брэндома, должно начинаться с рассмотрения «нормативных социально-лингвистических практик», с поиска ответа на вопрос, какие различные виды содержания эти нормативные практики придают состояниям, речевым актам и действиям, выражающим их. Отличительным признаком человека как разумного существа является *дискурсивность* — практическая способность к рационально-логической аргументации и взаимодействию с подобными себе разумными существами на лингвистическом уровне. «Квинтэссенцию» дискурсивной рациональности составляет деятельность, которую Брэндом называет «игрой в обмен доводами» (the game of giving and asking for reasons). Играть в обмен доводами — значит что-то *высказывать*, утверждать или отрицать. Корректность хода (пропозициональная содержательность дискурсивного акта) состоит в том, что высказывание субъекта, которое он как бы «ставит на карту», может рассматриваться как довод, *выдвигаемый в обоснова-*

ние какого-то положения, с одной стороны, и *требующий*, с другой стороны, обоснования для себя. Невозможно судить о разумности человека, если он не участвует в этой игре, не «ангажирован» в дискурсивную интеракцию, в социально-языковую коммуникативную практику. «Человеческая деятельность, чтобы называться “языковой”, должна включать в себя действия, имеющие практическое значение утверждений-высказываний о существующих фактах — высказываний, являющихся декларативными предложениями и выражающих пропозициональное содержание... Пропозиционально содержательные языковые высказывания отличаются тем, что они могут служить как посылками, так и заключениями в выводах (inferences). Практика, которая не отвечает этому требованию, т.е. не включает утверждений-высказываний в указанном смысле, может считаться *голосовой*, но никоим образом не *вербальной практикой*»⁷.

Исходное положение аналитического прагматизма Брэндома — тезис о «семантическом приоритете пропозиционального». Фундаментальным речевым актом, без которого невозможно развертывание специфически дискурсивной практики, является, по мнению американского философа, *ассертив*, т.е. утвердительно высказывание. *Семантически* утверждения суть пропозиции; *синтаксически* элементы языка, с помощью которых мы выражаем пропозициональное содержание, — декларативы. Все речевые акты, служащие трансляции лингвистической информации, рассматриваются Брэндомом как производные от утверждений-ассертивов. Например, акт вопрошания не имеет дискурсивного смысла, если не предполагает ответа, который дается не иначе как в *утвердительной* форме. Точно так же обстоит дело с директивами, экспрессивами, обещаниями и другими речевыми актами, «паразитирующими» на утверждениях (предписание или обещание выполнить какое-то действие производны от номинации данного действия, экспрессивы — от описания психологических состояний и т.д.)⁸. Вне состава суждений единичные термины не имеют никакого пропозиционального содержания и не могут «участвовать» в дискурсивной игре. Содержательные высказывания — утверждения — подлежат инференциальной артикуляции: они образуют класс речевых актов, функционирующих как заключения или посылки в выводах. То есть «понятие *утверждения* (asserting) и понятие *вывода* (inferring) существенно связаны»⁹. Согласно теории Брэндома, дискурсивная компетенция пользователя языка заключается, прежде всего, в обладании «навыком инференциальной артикуляции». Разумное употребление слов, в отличие от механического или рефлекторно воспроизведения их (как это бывает, когда попугай повторяет услышанные слова и фразы), требует *понимания смысла*, т.е. места и роли высказываний в сети инференциальных связей. Выражение «это красное» несовместимо с выражением «это зеленое»; «красное»

означает «имеет цвет», следовательно, предшествует выводному «покрашено» и т.д.

Брэндом, стоит заметить, всячески избегает психологизма: понятиям «ментальное состояние», «верование» или «сомнение» в его словаре не находится места. Он предпочитает говорить о *нормативных деонтических статусах*. «Социальная практика — это игра, участники которой выступают носителями различных деонтических статусов — *обязательств* (commitments) и *правомочий* (entitlements)... “Игроки”, в соответствии с правилами игры, совершают “ходы”, которые имеют практическое значение. Оно выражается в изменении статусов»¹⁰. Совершая некоторое действие или высказывая суждение, человек принимает на себя определенное обязательство (ручается в достоверности утверждения или оправданности поступка). Если эта претензия обоснованна, действие субъекта может считаться социально приемлемым, или *правомочным*. Нормативные статусы «обретаются» индивидами двояким способом: *признаются* (субъектом действия), принимаются на себя — либо *приписываются* (кому-то другому), налагаются на кого-то. Принятие (undertaking) и приписывание (attributing) обязательств — суть «фундаментальные деонтические установки (deontic attitudes)»¹¹. Вне дискурсивных контекстов и практик, по ту сторону социального, никакой нормативности, разумеется, быть не может: статусы «создаются, а не находятся». «Действие, которое вы производите, расписываясь под договором, само по себе ничего не значит: вы водите пером по бумаге и оставляете на ней чернильные знаки. Ваша подпись имеет значение постольку, поскольку рассматривается кем-то другим как обязывающая вас к каким-то дальнейшим действиям, — в силу того что вам, как ответственному лицу, *приписывается* определенное обязательство. С правомочиями дело обстоит точно так же, как с обязательствами. Какой-нибудь разрешающий документ, вроде пропуска или входного билета, предоставляет вам право на определенное действие. Вне установленных правил, однако, ваш пропуск или билет — пустая бумажка»¹². Результатом каждого осмысленного высказывания или действия является изменение нормативного статуса субъекта высказывания/действия, причем решающее значение, как особо подчеркивает Брэндом, имеет *приписывание* (наложение) обязательства, а не *принятие* обязательства индивидом. Как следует это понимать? В каком смысле приписывание обязательств важнее принятия их? Разъяснить это Брэндому помогает пример из истории. В XVIII в. в Великобритании широко применялась практика вербовки солдат в королевскую армию из социальных низов — городской черни и пауперов, бродячего люда, посетителей пабов и кабаков. Рекрутеры, используя всевозможные ухищрения, вручали или незаметно подсовывали будущим новобранцам серебряную монету достоинством в шиллинг, после чего сообщалось о якобы заключенном контракте

(монета служила авансом первого жалования). Такая процедура считалась вполне законной, и обладатели «королевского шиллинга» не могли уклониться от исполнения «взятых на себя» обязательств. С принятием шиллинга «нормативный деонтический статус» субъекта радикально менялся, происходило же это исключительно в результате *приписывания* ему обязательства, т.е. изменения отношения к человеку со стороны тех, кто его наблюдал или взаимодействовал с ним. «Для понимания нормативной природы чьего-либо действия или высказывания как принятия обязательства (an undertaking of commitment) достаточно, следовательно, рассмотреть, в чем состоит отношение к данному индивиду как лицу, которому что-то вменяют в обязанность»¹³.

Приписывание кому-либо каких-либо интенциональных состояний (в терминологии Брэндома, обязательств — «*доксастических*», т.е. убеждений, или «*практических*», т.е. диспозиций¹⁴) имеет строго нормативный смысл. Если мы видим человека, идущего под дождем, и считаем, что самый простой и надежный способ не вымокнуть для пешехода — воспользоваться зонтом, то мы естественно заключаем, что у этого человека есть рациональное основание именно так поступить: следовательно, он *должен* раскрыть зонт (хотя сказать, что кто-то «*должен* что-то сделать», не значит сказать, что он это «*делает*»). В отличие от *дескриптивных* высказываний, описывающих факты или предметы, мы имеем дело здесь со специфически *прескриптивным* высказыванием — утверждением долженствования. Если я банковский служащий и иду на работу, мое решение надеть костюм с галстуком вместо джинсов и майки (практическое обязательство, которое я принимаю и которое эксплицировано в высказывании от первого лица «Я надену костюм с галстуком») является не чем иным, как интернализацией внешнего (от третьего лица) предписания: «Он *должен* надеть костюм с галстуком [если он банковский служащий]». Интенция «сделаю» (модальность *shall*) производна от прескрипции «должен» (модальности *should*)¹⁵.

Пропозициональная содержательность во всей семантической полноте раскрывается только на уровне дискурсивной коммуникации, считает Брэндом. Признание истинности чьего-либо утверждения «легитимирует» использование его другими — участниками разговора, коммуникантами — в качестве основания для последующих утверждений. Коммуникативно успешны лишь те дискурсивные акты, что допускают «интер-персональную» инференцию. *Обоснованными* (warranted), по мнению Брэндома, должны считаться обязательства-утверждения (assertional commitments), которые подлежат такому воспроизводству (reassertion)¹⁶ и могут использоваться как посылки в выводах¹⁷.

Дискурсивно-коммуникативная практика сравнивается Брэндом со спортивной игрой: действия состязающихся, их решения и

«ходы» ведут к изменению счета. Разница в том, что каждый участник «игры в обмен доводами» *считает по-своему* — это такая игра, где нет одного общего счета. Дискурсивные обязательства, приписываемые игроком *A* игроку *B*, могут не совпадать с обязательствами, приписываемыми игроку *B* игроком *C*, а дискурсивные обязательства, приписываемые игроком *B* игроку *D*, могут не совпадать с обязательствами, приписываемыми игроку *D* игроком *E*, и т.д.¹⁸ Целью коммуникации является устранение этого несоответствия. Когда дискурсивные обязательства, принимаемые и приписываемые друг другу субъектами лингвистического взаимодействия, *совпадают* (когда, следовательно, преодолены все разногласия относительно содержания понятий и утверждений, логически прояснены и артикулированы их инференциальные связи и т.д.), достигается некое «*интерпретативное равновесие*», которое Брэндом определяет как состояние полного «социального само-сознания»¹⁹ (лингвистический эквивалент гегелевского «*allgemeine Selbstbewußtsein*»²⁰ как «утверждающего знания себя самого в другой самости»²¹). Свобода высказываний, интерпретации и оценки, разумеется, ограничена *правилами игры*, едиными для всех участников коммуникации. Принимая на себя дискурсивное обязательство, т.е. совершая свой «ход», участник вместе с тем принимает и все логически вытекающие (*consequential*) обязательства. «Каждый ход ставит его перед необходимостью совершения каких-то последующих ходов»²². Например, утверждая: «Скатерть на столе красного цвета», я с необходимостью признаю: «Ткань, из которой изготовлена скатерть, окрашена [в красное]» (кроме того, дискурсивное обязательство, которое я принимаю, должно исключать, как несовместимое с ним, утверждение «Скатерть зеленого [синего, белого, желтого...] цвета»). Правила игры в обмен доводами таковы, что в ней не может быть «холостых», не влекущих инференциальных последствий ходов. Понимание содержания высказываний и значения терминов, употребляемых собеседниками, требует *пред-*понимания этих выводных отношений, связывающих одно дискурсивное обязательство с другим.

Брэндом-инференциалист различает два уровня нормативности. «Можно выделить, с одной стороны, нормативные отношения, связывающие интенциональные состояния между собой. Так, приверженность какой-то идее, которую мы считаем истинной, обязывает нас принять и идею, производную от нее... С другой стороны, интенциональные состояния могут быть связаны нормативными отношениями с состояниями неинтенциональными (*states of affairs that are not intentional*). Существует определенное нормативное *соответствие* (*normative accord*) между убеждением (верованием) и положением дел, которое должно иметь место, чтобы убеждение было истинным, между желанием и положением дел, его удовлетворяющим, между ожиданием и положением дел, оправдывающим ожидание, между

приказанием и действиями, ведущими к его исполнению. Нормативные отношения первого типа можно назвать (в широком смысле) *инференциальными*, отношения второго типа — *референциальными*... Моя стратегия заключается в рассмотрении, в первую очередь, нормативности инференциальной, а во вторую — нормативности референциальной: второй в терминах первой»²³.

Критики Брэндома полагают, что эта попытка соединить референцию с инференцией (фактически, *заменить* референциальные отношения инференциальными) обречена на провал. По мнению Дж. Макдауэла, радикальный инференциализм Селларса — Брэндома «отрывает» субъекта познания от реальности («опыта») ²⁴. «Как ни старайтесь, вывести понятие истины из понятия инференции вам не удастся», — убеждены Дж. Фодор и Э. Лепор: «*истинно*» предцирует отношение между словом и миром (a word — world relation), а не отношение между словом и словом ²⁵. «Лингвистический идеализм», по общей оценке Ю. Хабермаса ²⁶, Д. Хильдебранда ²⁷ и других авторов ²⁸, — самое точное из возможных определений философской позиции Брэндома.

Но Брэндом не считает себя идеалистом. «Мои рассуждения о “словарях” и лингвистических практиках как будто подводят к мысли о том, что все, что у нас есть, — это слова и различные использования слов. Если *реальность* не принимается нами в расчет, то, спрашивается, на каком основании мы говорим о *значении*?» ²⁹ Семантический прагматист ответил бы так: «Участие в лингвистической практике — реализация наших дискурсивных возможностей — состоит в употреблении слов и выражений, которые *что-то* обозначают, т.е. говорят о вещах, существующих в мире. Самим этим действием... устанавливается отношение (семантическое) между словом и миром» ³⁰. Американский философ, однако, дает чрезвычайно широкое толкование дискурсивности (близкое к толкованию опыта прагматистами Джеймсом и Дьюи ³¹). Дискурсивные практики, как они мыслятся Брэндомом, включают в себя и владение речью, и коммуникативную интеракцию, и многое из того, что составляет актуальное содержание человеческой жизни: привычки и нормы, традиции и регламенты, образцы поведения, даже орудия и предметы материального мира. Практики сами, в определенном смысле, «материальны» (cogroreal) ³². «Нельзя противопоставлять дискурсивную практику *внешней* реальности, как противопоставляют слова вещам, — пишет Брэндом. — Объекты, факты влияют на наши слова и поступки — принимаемые или приписываемые инференциальные, доксистические и практические обязательства — не *извне* дискурсивных практик, а *изнутри* них» ³³; «ничего “вне” дискурсивно-практического не существует» ³⁴. Такое понимание дискурсивности отнюдь не ведет к лингвистическому идеализму и «потере мира», считает Брэндом. Отвергается лишь

представление о вещах как до- или вне-концептуальной реальности, независимой от человеческого сознания. Аналитический прагматист и гегельянец Брэндом, по замечанию Хабермаса, рисует нам мир логически упорядоченным, «в-себе концептуально структурированным»³⁵. «В самом деле, по ту сторону концептуального, в определенном смысле, нет никакой реальности, — соглашается с интерпретацией Хабермаса Брэндом. — Изначально мир представляет собой скопление фактов, а не объектов... Под “фактом” и “фактуальным” я понимаю содержание истинных утверждений — не то, что утверждается, а то, что утверждаемо (могло бы, иными словами, утверждаться). Факты связаны между собой инференциальными отношениями (один факт с материальной необходимостью предполагает другой, исключает третий и т.д.), поэтому содержание утверждений (claimable contents) концептуально артикулируется... Когда-то, до возникновения дискурсивных практик, никто не пользовался словарем понятий (concepts), но факты (включая тот факт, что в до-дискурсивное время не было тех, кто пользовался понятиями) существовали всегда. Каузально факты, равно как и понятия, не зависят от человека и его умственной активности... Однако дискурсивная компетенция — умение рассуждать, т.е. формулировать и выражать мысли, а также выводить одно содержание из другого — является строго необходимым условием понимания фактов и значения слов»³⁶. Несовпадение двух «содержаний знания» — того, что *утверждается*, и того, что *утверждаемо*, — обусловлено различием эпистемологических установок: *принятия* и *приписывания* обязательств и выводов. В первом случае мы говорим о *пропозициональном* содержании мыслей/интенций/высказываний (*что думается* и *что говорится?*), во втором имеем в виду *репрезентациональное* содержание (*о чем думается* или *говорится?*): *what is said or thought and what is said or thought about?* Второй вопрос более сложный. Он требует рассмотрения и оценки пропозиционального содержания чьих-то высказываний и мыслей с двух или нескольких перспектив: с перспективы субъекта высказывания (носителя убеждения) и с перспективы тех, кто взаимодействует с ним, приписывая соответствующие убеждения, интенции и высказывания. Ответ на вопрос «о чем?», следовательно, ищется и находится лишь в процессе коммуникации и дискурсивной игры (когда одно утверждение «сталкивается» с другими, интерпретируется различными способами, подтверждается или опровергается)³⁷. «Репрезентациональное измерение дискурса отражает тот факт, что концептуальное содержание подлечит не только инференциальной, но и *социальной* артикуляции. Игра в обмен доводами является по своему существу социальной практикой»³⁸.

Как справедливо подметили немецкие комментаторы Брэндома, способ рассуждения, при помощи которого семантический прагма-

тист пытается объяснить, каким образом референция «извлекается» из инференции, представляет собой, фактически, разновидность трансцендентальной аргументации: чтобы мы могли *говорить* о мире (так, как мы это делаем), *должен* существовать объективный мир (каким мы его знаем). *Необходимо*, чтобы словам соответствовали объекты, а истинным утверждениям — факты; этого *требуется* дискурсивная практика. «Рассуждая о чем-то, делая выводы, выделяя и устраняя противоречия, мы естественным образом представляем себе, что наши слова и то, о чем они суть (объекты реальности), связаны репрезентационально»³⁹. Но трансцендентальная аргументация, возражают Брэнному его оппоненты-реалисты, не позволяет эпистемологическому субъекту «прорваться» к реальности; она отражает лишь то, как устроено человеческое сознание. Без ответа остается главный вопрос: как мышление и язык, по выражению Х. Патнэма, «пристегиваются» к миру?⁴⁰

Согласно теории Брэндома, существуют три способа подтверждения правомочности утверждений: 1) *выводное* (inferential) обоснование, когда в подтверждение правомочности дискурсивного обязательства приводятся некоторые рациональные аргументы; 2) *переводное* (deferential) обоснование, когда говорящий ссылается на свидетельство или мнение другого лица, предположительно знающего; 3) *непосредственное*, «по умолчанию» (by default) подтверждение, когда правомочность дискурсивного обязательства обеспечивается данными наблюдения, надежность которых достаточно высока и которые облекаются в форму неинференциальных утверждений. В первых двух случаях мы сталкиваемся с проблемой регресса обоснований: утверждения, которые мы делаем в расчете обосновать правомочность своей позиции, сами нуждаются в обосновании, т.е. в других утверждениях и т.д.; что же касается апелляции к чьим-то свидетельствам, то обоснованность этих последних (компетенция субъекта предположительно знающего) может быть, в свою очередь, поставлена под вопрос. Проблема регресса обоснований вроде бы снимается подтверждениями «по умолчанию»⁴¹. Однако Брэндом показывается, что непосредственные данные наблюдения не могут быть *поняты* неинференциально, вне рассмотрения их связи с другими содержаниями знания (сопутствующими убеждениями, предположениями и верованиями). Все дескриптивные утверждения «приобретают *концептуальную* содержательность — а следовательно, и когнитивную значимость — только благодаря отношениям вывода»⁴². Чтобы *видеть* предмет, различать его форму и цвет (квадратное или круглое? зеленое или красное?), мы должны уже *знать*, какими бывают цвета и формы предметов, — располагать соответствующими понятиями («круглого» и «квадратного», «красного» и «зеленого») ⁴³. Поэтому «все, что оказывается в поле нашего зрения, инференциально (и концептуально) артикулировано»⁴⁴.

Как известно, в современной аналитической философии *знание* чаще всего определяется как *обоснованное истинное убеждение* (justified true belief). Согласно этому определению, *X* знает что *A*, если и только если в совокупности выполняются следующие три условия: (1) *X* считает, что *A*; (2) *A* является истинным; (3) убеждение *X* в том, что имеет место *A*, обосновано. Условие (3) исключает из сферы знания все убеждения, которые оказываются истинными случайно, в силу так называемого «эпистемического везения» (догадки, фантазии, откровения и т.д.). Знание должно быть не просто истинным, но обоснованным, подкрепленным аргументацией. Возможны, с другой стороны, ситуации, когда мы имеем в достаточной степени обоснованные, но ложные убеждения (это случается, например, с научными объяснениями и гипотезами). Не отвечающее условию (2) «оправданное полагание», как иногда переводят термин justified belief, не является, с точки зрения аналитического эпистемолога, знанием.

У Брэндома-прагматиста своя, весьма необычная, интерпретация JTB-схемы. В основе ее — понятие дискурсивного обязательства, *принимаемого* (кем-то) и *приписываемого* (кому-то). Признавая субъекта высказывания знающим, мы, во-первых, числим его носителем *убеждения* (приписываем ему обязательство), во-вторых, соглашаемся с *обоснованностью* данного убеждения (правомочностью обязательства), и в-третьих, признаем убеждение *истинным* (принимаем это обязательство сами)⁴⁵. Таким образом, условием истинности чьего-либо мнения или суждения для каждого из участников разговора (игры в обмен доводами) оказывается, по Брэндому, совпадение мнения субъекта высказывания с *мнением собеседника* — партнера по разговору, интерпретатора и оценщика. «Статусом знания обладают для меня лишь те убеждения [других людей], которые я сам разделяю»⁴⁶. «Вполне обоснованным, но не *истинным*, будет для нас убеждение человека, правомочного утверждать то, что он утверждает в соответствии с правилами дискурсивной игры (когда содержание его утверждения согласуется с другими, предшествующими и в равной степени обоснованными, утверждениями), — обоснованным, но не истинным в силу нашего нежелания разделить данное убеждение и принять его инференциальные следствия. Различие между обоснованностью и истинностью является различием перспективы — между чьими-то дискурсивными обязательствами, правомочность которых мы признаем, но сами не разделяем, и нашими собственными обязательствами. К примеру, я должен считать обоснованным, но не истинным ваше высказывание о том, что перед вами находится какая-то вещь, если я знаю, что вы смотрите в зеркало и принимаете за реальную вещь ее отражение»⁴⁷. Различие между истинностью и обоснованностью схватывается лишь в контексте интерпретации и оценки, когда чье-то дискурсивное обязательство ставится под вопрос — интерпретируется

и оценивается со стороны. «Социальная перспектива» интерпретатора (scorekeeper) играет определяющую роль в прояснении истины — в решении, является ли чье-то мнение истинным или нет⁴⁸.

Рассуждая в этом ключе, Брэндом показывает, как монологический дискурс паразитирует на диалогическом: репрезентациональная содержательность (истинность) утверждений оказывается «продуктом» интересубъективного взаимодействия, рассмотрения и оценки высказываний с различных позиций; истина как бы выкристаллизовывается в процессе коммуникации⁴⁹. При этом связующей единицей высказываний участников разговора или рядоположенных текстов выступает *анафора*⁵⁰, фиксирующая те устойчивые аспекты содержания, которые не изменяются при переходе от одного высказывания или текста к другому. Выражение «Это истинно» рассматривается Брэндомом как *местопредложение* (prosentence), которое относится к определяющему его содержанию анафорическому antecedенту — например, высказыванию «Снег бел» — так же как *местоимение* (pronoun) «он» относится к определяющему его содержанию анафорическому antecedенту — например, имени «Тарский». Выражение «истинно» (true) служит оператором местопредложений, выражение «относится» (refers) — оператором местоимений⁵¹.

Подобно тому как высказывание любого рода, вне выводных отношений с другими высказываниями, не представляет собой семантически значимой лингвистической единицы, *дейксис* (непосредственное указание на предмет) не является значимой единицей вне анафорической связи с другими терминами, употребляемыми в речи. То есть существует концептуальная зависимость дейктических механизмов от анафорических⁵². Благодаря анафорической связи такие единичные термины и высказывания, как демонстративы, «включаются» в инференциальные отношения и приобретают концептуальное содержание, выполняя роль анафорических antecedентов.

Несовпадение между тем, как вещи представляются или *воспринимаются* кем-то из участников разговора, и тем, каковы они есть в действительности (how things are and how they are taken to be), «встроено», по выражению Брэндома, в социально-инференциальную артикуляцию понятий и доводов, которые мы задействуем в разговоре. Имея дело с дискурсивными обязательствами, *приписываемыми* другим, оценивая или интерпретируя чьи-то высказывания, мы всякий раз наталкиваемся на это несовпадение⁵³. Из двух или нескольких перспектив нам приходится выбирать одну, «единственно верную» — ту, что положит конец конфликту интерпретаций (как нам хотелось бы думать). «Понятия объективной истины и ошибки, — цитирует Брэндом Д. Дэвидсона, — раскрываются лишь в контексте интерпретации»⁵⁴. Объективная истинность «выводится» из межличностных отношений, контекста «я — ты».

Однако, по мнению Хабермаса, социально-дискурсивная практика, которую Брэндом рассматривает как «игру в обмен доводами», в действительности не имеет ничего общего с intersubjectивностью, так как не предполагает *взаимодействия* субъекта высказывания с интерпретатором, их непосредственной коммуникации. Брэндом, скорее, описывает отношение «я – он/она» (между первым и третьим действующими лицами), а не отношение «я – ты», которое связывало бы двух собеседников-коммуникантов (первое и второе лицо). Интерпретатору здесь отводится роль стороннего слушателя и наблюдателя, не находящегося в интерактивном контакте с субъектом высказывания или действия, никак напрямую не реагирующего – в режиме коммуникации, а не заочного комментария или оценки – на чьи-то слова и поступки (причем последнее слово остается всегда за интерпретатором). «Однако смысл лингвистической коммуникации (*Verständigung*) вовсе не в том, чтобы участники попросту *информировали* друг друга о своих представлениях и намерениях... Они не только хотят, чтобы их правильно *понимали* (приписывали определенные убеждения), но и ищут *взаимного* понимания и соглашения (*sich verständigen*)»⁵⁵.

Действительно, «я – ты» отношение в интерпретации Брэндома не только не сводится к непосредственной интеракции субъекта высказывания и интерпретатора (реципиента), но в ряде случаев даже исключает последнюю. Интерпретация акта высказывания *как таковая* (положительная или отрицательная, т.е. признание или непризнание истины утверждения) служит «ответом» второго лица, интерпретатора, вступающего в *одностороннее* отношение с первым лицом, говорящим, – ответом на реплики и высказывания, часто не ему адресованные. Субъект высказывания, кроме того, не имеет возможности *отреагировать на реакцию* второго лица, *ответить на ответ*: как в случае с обладателем королевского шиллинга, ему остается только принять оценку интерпретатора, согласиться с приписываемым ему обязательством⁵⁶. Хабермас мыслит плюралистичнее: в его понимании коммуникация должна быть свободной и двусторонней.

Отношение к Брэндому и «нормативному прагматизму» в среде профессиональных философов неоднозначное. Одни превозносят его как мыслителя-систематика, другие критикуют за схоластизм рассуждений и вычурность стиля (700-страничное «Прояснение» не отличается ни ясностью изложения, ни лаконичностью, которые так высоко ценятся аналитическими философами). С. Жижек как-то заметил, что Брэндом принадлежит к категории «герметических» авторов. Публика ценит их, но избегает, – вернее, проявляет «интерпассивность»: желание уступить *Другому* знакомство с произведениями, которые считаются важными и интересными, однако, увы, решительно нечитабельными⁵⁷. *Opus magnum* Брэндома – именно

такая работа. Изданная спустя шесть лет вторая его книга (с подзаголовком «Введение в инференциализм» – своего рода пролегомены к «Making It Explicit»)⁵⁸ едва ли исправила положение. Зато историко-философские опыты Брэндома, его оригинальная «аналитическая» интерпретация Канта, Гегеля и прагматистов⁵⁹, были встречены благосклонно (во всяком случае, в США). Наряду с текстами Ч. Тэйлора, Р. Рорти и А. Макинтайра, эти работы стимулировали интерес американской аудитории к континентальной философской традиции, к новому освоению классики, что отмечается коллегами Брэндома как несомненная его заслуга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Vasильев В.* Есть ли будущее у систематической философии? // Философский журнал. 2009. № 2 (3). С. 6.

² Рорти – докторватер Брэндома; под его руководством Брэндом защищал диссертацию в Принстоне.

³ *Brandom R.* Making It Explicit. – Cambridge (MA), 1994. P. 9.

⁴ Ibid. P. 10.

⁵ См.: *Brandom R.* Perspectives on Pragmatism. – Cambridge, 2011. P. 47 – 48.

⁶ См.: *Brandom R.* Between Saying and Doing. – Oxford, 2008. P. 3 – 9.

⁷ *Brandom R.* Reply to Charles Taylor's «Language Not Mysterious?» // Reading Brandom / ed. by B. Weiss, J. Wanderer. – L.; N. Y., 2010. P. 301 – 302.

⁸ См.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 172 – 173; *Brandom R.* Between Saying and Doing. P. 117; *Brandom R.* Perspectives on Pragmatism. P. 30.

⁹ *Brandom R.* Between Saying and Doing. P. 111.

¹⁰ *Brandom R.* Making It Explicit. P. 166.

¹¹ Ibid. P. 508.

¹² Ibid. P. 161.

¹³ Ibid. P. 162 – 163.

¹⁴ См.: *Brandom R.* Replies // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57. № 1. P. 194.

¹⁵ См.: *Brandom R.* Articulating Reasons. – Cambridge, 2000. P. 94 – 95.

¹⁶ *Brandom R.* Varieties of Understanding // Reason and Rationality in Natural Science / ed. by N. Rescher. – Lanham, 1985. P. 35.

¹⁷ См.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 169 – 170.

¹⁸ Ibid. P. 185.

¹⁹ Ibid. P. 643.

²⁰ «Всеобщее самосознание» – нем.

²¹ *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. – М., 1977. С. 247.

²² *Brandom R.* Articulating Reasons. P. 192.

²³ *Brandom R.* Making It Explicit. P. 656.

²⁴ См.: *McDowell J.* Brandom on Representation and Inference // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57. № 1. P. 157 – 162, а также: *Wanderer J.* Robert Brandom. – Durham, 2008. P. 192 – 194.

²⁵ *Fodor J., Lepore E.* Brandom's Burdens: Compositionality and Inferentialism // Philosophy and Phenomenological Research. 2001. Vol. 63. № 2. С. 480.

²⁶ *Habermas J.* From Kant to Hegel: On Robert Brandom's Pragmatic Philosophy of Language // *European Journal of Philosophy*. 2000. Vol. 8. № 3. P. 342.

²⁷ *Hildebrand D.* Experience or Language? Choosing Pragmatism's Central Motive. – URL: <http://www.nordprag.org/papers/epc1/Hildebrand.pdf>.

²⁸ См. об этом: *Bernstein R.* The Pragmatic Turn. – Cambridge, 2010. P. 120 – 121.

²⁹ *Brandom R.* Between Saying and Doing. P. 177.

³⁰ Ibid.

³¹ См., например: *Dewey J.* Experience and Nature. – L., 1929. P. 8 – 9.

³² *Brandom R.* Making It Explicit. P. 332.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. P. 686.

³⁵ *Habermas J.* From Kant to Hegel: On Robert Brandom's Pragmatic Philosophy of Language. P. 340.

³⁶ *Brandom R.* Facts, Norms, and Normative Facts: A Reply to Habermas // *European Journal of Philosophy*. 2000. Vol. 8. № 3. P. 357.

³⁷ См.: *Brandom R.* Articulating Reasons. P. 158 – 159.

³⁸ Ibid. P. 163.

³⁹ *Brandom R.* Between Saying and Doing. P. 187.

⁴⁰ См.: *Pohl M., Rosenhagen R., Weber A.M.* Realist and Idealist Interpretations of Brandom's Account of Objectivity // *Robert Brandom: Analytic Pragmatist* / ed. by B. Prien, D.P. Schweikard. – Frankfurt a/Main, 2008. P. 92 – 95.

⁴¹ См.: *McDowell J.* Mind and World. – Cambridge, 1994. P. 67.

⁴² *Brandom R.* Between Saying and Doing. P. 95.

⁴³ См.: *Brandom R.* A Study Guide // *Sellars W.* Empiricism and the Philosophy of Mind. – Cambridge, 1997. P. 167 – 168.

⁴⁴ *Brandom R.* Reply to Mark Lance and Rebecca Kukla's «Perception, Language, and the First Person» // *Reading Brandom*. P. 319.

⁴⁵ См.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 202; *Brandom R.* Articulating Reasons. P. 118 – 119, 168; *Brandom R.* Perspectives on Pragmatism. P. 129.

⁴⁶ *Brandom R.* Reason in Philosophy. – Cambridge, 2009. P. 158.

⁴⁷ *Brandom R.* Asserting // *Noûs*. 1983. Vol. 17. № 4. P. 645 – 646.

⁴⁸ См.: *Brandom R.* Reply to Bob Hale and Crispin Wright's «Assertibilist Truth and Objective Content: Still Inexplicit?» // *Reading Brandom*. P. 360 – 361.

⁴⁹ См.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 497.

⁵⁰ Под «анафорой» (греч. *anapherein* – «приводить назад, возвращать») в лингвистике и логике понимается замена повторного упоминания какого-либо элемента высказывания другим выражением, как правило, указательным или возвратным местоимением («он», «этот», «такой» и т.п.). Основным признаком анафоры считается отсылочная номинация – анафорическое выражение осуществляет референцию не прямым образом, а через отсылку к референту другого выражения, называемого его антецедентом.

⁵¹ См.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 283; *Brandom R.* Reference Explained Away // *Journal of Philosophy*. 1984. Vol. 81. № 9. P. 469 – 492. Ср.: *Grover D., Camp J., Belnap N.* A Prosentential Theory of Truth // *Philosophical Studies*. 1975. Vol. 27. P. 73 – 125.

⁵² См.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 465 – 466.

⁵³ Ibid. P. 597.

⁵⁴ Davidson D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. – N. Y., 1984. P. 169.

⁵⁵ *Habermas J. From Kant to Hegel: On Robert Brandom's Pragmatic Philosophy of Language*. P. 346.

⁵⁶ См.: *Wanderer J. Brandom's Challenges // Reading Brandom*. P. 100 – 105.

⁵⁷ См.: *Zizek S. For They Know Not What They Do: Enjoyment as a Political Factor*. – L., 2002. P. XI.

⁵⁸ *Brandom R. Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism*. – Cambridge, 2000.

⁵⁹ См., например: *Brandom R. Tales of the Mighty Dead*. – Cambridge, 2002; *Brandom R. Classical German Philosophy, American Pragmatism and Inferentialist Semantics // Philosophical Analysis*. 2010. Vol. 1. № 1. P. 170 – 177; *Brandom R. Perspectives on Pragmatism*. – Cambridge, 2011.

Аннотация

В статье рассматриваются идеи Роберта Брэндома, известного американского философа, представителя питтсбургской школы неогегельянства. В центре внимания автора – прагматистский подход Брэндома к решению эпистемологических и общеполитических проблем и его «анафорическая теория истины», представляющая разновидность дефляционизма. Раскрывается содержание основных понятий аналитического прагматизма Брэндома: «дискурсивное обязательство», «нормативные статусы», «семантический холизм», «инференциализм».

Ключевые слова: аналитический прагматизм, инференциализм, дискурсивное обязательство, анафора, игра в обмен доводами, пропозициональное содержание, интерпретация.

Summary

This article is dedicated to reconstructive analysis of the works of Robert Brandom, one of the leading representatives of the Pittsburgh school of Neo-Hegelianism. The author focuses on Brandom's pragmatic approach to some basic epistemological and metaphysical issues, as well as his «anaphoric theory of truth» which is a variety of deflationism. The content of the key concepts of Brandom's analytical pragmatism («discursive commitment», «normative status», «semantic holism», «inferentialism») is elucidated.

Keywords: analytical pragmatism, inferentialism, discursive commitment, anaphora, the game of giving and asking for reasons, propositional content, interpretation.